

СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 349.2, 369.01

О социальном обеспечении в Московской Руси (XV–XVII вв.)

М. В. Филиппова, Е. Б. Хохлов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Филиппова, Марина В., и Евгений Б. Хохлов. 2025. «О социальном обеспечении в Московской Руси (XV–XVII вв.).» *Ежегодник трудового права* 15: 287–318.
<https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.121>

Период середины второго тысячелетия христианской эры является временем формирования в Европе национальных государств, т. е. государств, имеющих единую территорию, население и обладающих суверенитетом — независимостью верховной государственной власти ни от внешних, ни от внутренних политических сил. Россия не является в этом плане исключением. Процесс формирования суверенного (т. е. самодержавного) государства имел множество проявлений и такое же множество последствий во внутренней жизни страны. В их числе — эволюция идеи благотворительности. Изначально как сутобо частное явление, к тому же в средневековую эпоху имевшее исключительно религиозную окраску и обоснование, со становлением государственной власти отношения благотворительности приобретают публичный характер, становятся светским делом и предметом заботы со стороны публичной власти. В России, несмотря на то что за церковью сохраняется функция заботы о неимущих, эта функция становится во многих отношениях формой опосредованного проявления социальной политики государства. В силу этого можно сказать, что благотворительность, юридически формализуясь, приобретает социально-обеспечительные черты. Одновременно происходит процесс формирования института государственной службы, что, в условиях аграрного типа хозяйства, сопровождается изменениями в системе поземельных отношений: возникает и упрочивается институт поместного землевладения, когда земля (поместье) дается под условием службы. Однако функционирование этого института порождает проблему обеспечения тех государевых слуг, которые оставили службу в силу увечья или старости, а также членов семьи владельца поместья вследствие его смерти. В результате появляется целый массив норм, направленных на решение этой проблемы, что позволяет говорить о возникновении права социального обеспечения в чистом виде.

Ключевые слова: благотворительность, социальное обеспечение, стяжательство и нестяжательство, нищелюбие, милостыня, земельный надел.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

1. Введение

Название этой статьи довольно условно, если вообще не провокационно. Специалистам понятно, что категория социального обеспечения есть категория *историческая*, т. е. она существует в определенных социальных, экономических и политических условиях. Главным таким условием является *государство*, причем государство определенного типа.

В *монистически* организованном (социалистическом) обществе, где публичная власть берет на себя управление всеми социальными процессами (во всяком случае, стремится это сделать), государство принимает на себя управление и трудовыми ресурсами, для чего выделяет группы членов общества, способных к труду и нетрудоспособных. Первых государство привлекает к юридически обязательному труду, вторым обеспечивает возможность существования за счет соответствующих государственных или контролируемых государством средств.

В *плюралистическом* (капиталистическом) обществе система социальной поддержки неимущих возможна либо вследствие действия определенных политических факторов, либо является определенным закономерным этапом экономического, социального и политического развития общества (Хохлов 2013, гл. 3, 4, 8, 12).

Поясним, что когда мы говорим о действии *политических* факторов, то имеем в виду прежде всего древние греческое (афинское) и римское государства. Начало системы социального обеспечения здесь было положено при Перикле в форме так называемых «*зрелищных денег*» (феорикона), формально предназначенных для обеспечения неимущим гражданам возможности посещения греческого театра; эта практика была воспринята и Древним Римом. Причины введения этого института никак не связаны с соображениями социальной поддержки нуждающихся, они изначально имели чисто политический характер. Причина тому — демократическое устройство общества, при котором граждане обладали политическими правами и их голос мог влиять на существо принимаемых решений; при таких условиях правящая элита стремилась купить голоса пролетариев и использовать их мощь в политической борьбе. Как справедливо замечает С. Н. Булгаков, в «силу политической необходимости государство должно было поставить себе задачу призрения свободных граждан, и вот римский (а раньше и греческий) пролетарий превращается в государственного пенсионера. В бюджете римского государства расходы на содержание пролетариев играют все более видную роль. Податной пресс, выдавливающий подати из всех провинций, делал римского пролетария пенсионером не столько Рима, сколько, в сущности, всего тогдашнего мира... <...>

...Даровая раздача хлеба, введенная впервые Каем Гракхом, делается регулярной с закона 123 года до Р. Х., причем сначала хлеб давался за полцены, а с 58 г. стал раздаваться и даром. При Августе общее количество лиц мужского пола, получавших помощь от государства, составляло круглым числом около 300 тыс. Начиная с Цицерона, пятая часть *vectigalia* (косвенных налогов) поглощается даровыми задачами одного Рима; в 46 г. по Р. Х. расход составлял уже 77 м[лн] сестерциев... причем условием получения хлеба было лишь право римского гражданства и римская оседлость. Но к этим регулярным выдачам присоединялись еще чрезвычайные (так называемые *largitiones*), очень частые при императорах, а также и подарки деньгами или выдача денег по завещанию» (Булгаков 1997, 189).

Итак, если говорить о рассматриваемом факторе, то он имеет хотя и долговременный, но преходящий характер. Как мы помним, в Афинах чрезвычайное развитие демократии привело в конечном счете к краху государственности; в Риме, напротив, произошло свертывание демократического строя и установление императорской власти. В обоих случаях это привело к уничтожению системы социального обеспечения неимущих-пролетариев¹.

Если же вести речь о социальном обеспечении как элементе определенного этапа в эволюции капиталистического общества, то следует говорить о целом ряде факторов, обусловивших появление этой системы.

Как известно, буржуазные революции в Европе одержали победу под лозунгами свободы личности. Поскольку главными врагами свободы человека при «старом режиме» (*ancien regime*) считались корпоративный строй и полицейское государство, были предприняты меры по демонтажу того и другого. Политикой государства нового типа явился так называемый манчестерский лозунг «*laissez faire*», т. е. полное невмешательство в самостоятельность свободной личности и, следовательно, в течение социальных процессов. При таких условиях ни о каком обеспечении нуждающихся речи быть не могло в принципе: ведь нищета есть выбор свободного человека! С предельной четкостью эту мысль выразил один из основателей так называемой классической английской политической экономии Т. Р. Мальтус. Необходимо открыто отказаться от признания за бедными воображаемого права содержаться на общественный счет, говорит он. В более раннем издании своего труда Т. Мальтус еще более конкретен: «Человек, который родился в мире уже занятом, и если он не имеет существования от своих родителей, на которое он справедливо может претендовать, и если общество не нуждается в его работе, то он не имеет никакого права на малейший кусок пищи и в действительности ему незачем быть там, где он находится: на роскошном пиру природы нет для него свободного прибора, и она приглашает его удалиться, ибо до своего рождения он не спросил у общества, готово ли оно его принять» (Мальтус 1895, 126–129)².

Действительность, однако, пошла по иному пути — публичная власть, активно вмешиваясь в социальные процессы, в числе прочего начала формировать и систему социального обеспечения нуждающихся (хотя, следует отметить, и в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, сторонники либеральной теории говорят если не о прямой вредности, то о бесполезности государственного интервенционизма). Государство из либерального правового превратилось в социальное правовое государство. Такой переход был обусловлен целым комплексом причин объективного характера. Не прибегая к конкретизации, поскольку этот вопрос выходит за границы предмета данной статьи, констатируем, что возникновение социального

¹ Как замечает К. Каутский, «пока существовала демократическая республика (в Риме. — М. Ф., Е. Х.), массовая бедность не была еще массовой нищетой. Потеряв все, народ сохранил свою политическую силу и отлично умел пользоваться ею, эксплуатируя различнейшим образом богатые и платившие дань покоренные области». С появлением самодержавной императорской власти, не нуждавшейся в голосах граждан, вместе с политической силой иссяк важнейший (вернее единственный) источник доходов античного пролетариата (Каутский 2013, 22–24). Следует, впрочем, заметить, что, судя по С. Н. Булгакову, и императорам все же приходилось считаться с римским пролетариатом, пусть как с нелегальной политической силой.

² В более поздних изданиях этот текст был удален (Брентано 1930, 97).

правового государства является альтернативой разрушению государственности и сложившегося социального устройства.

Обращаясь теперь к интересующему нас периоду истории России, отметим, что ни в нашей стране, ни в других странах Европы в этот период не существовало (и не могло существовать) ни идеи, ни тем более системы социального обеспечения. Причина очевидна — это господство *частноправового* начала в организации социального мироустройства. Оно было безраздельным в так называемый *удельный период* истории Руси, но долго продолжало доминировать и позднее, в эпоху формирования Русского национального государства с центром в Москве³. Удельный и великий князь есть прежде всего верховный собственник определенной земельной величины, соответственно, действуя в этом качестве, он осуществляет управление этой своей собственностью, назначает и собирает дань (налоги) с жителей, осуществляет судебные функции, организует оборону от внешних завоевателей и пр. Но кроме князя существуют и другие земельные собственники (вотчинники), которые осуществляют такие же функции земельных собственников, что и князя. При таких условиях, разумеется, говорить о каком-либо социальном обеспечении кого бы то ни было абсурдно — попросту в силу отсутствия субъекта, который мог бы создать такую систему.

Некоторым аналогом социального обеспечения можно считать *благотворительность* — явление, чрезвычайно широко и повсеместно развитое в эпоху Средневековья и в раннее Новое время и имевшее в этот период религиозную окраску и идеологическое обоснование.

Общим моментом в социальном обеспечении и благотворительности является то, что в обеих системах речь идет об одном предмете — *наделении благом*. Во всех других чертах они расходятся:

- 1) в первой системе круг как дающих благо, так и получающих его формально определен, во второй он произволен;
- 2) в первой системе формализованы виды, размер и порядок предоставления блага, вторая ничего подобного не предполагает;
- 3) в первой системе субъект получения блага вправе (с определенными оговорками) требовать предоставления блага установленного вида и размера, во второй такого права не возникает в принципе.

Самое главное различие, однако, имеет *сущностную* основу. Благотворительность, т. е., в своем буквальном прочтении, *творение блага*, — есть проявление *внутренней потребности* дающего, в Средневековье и раннее Новое время, к тому же имеющей религиозную окраску, характер *религиозной обязанности* дающего, его ответственности перед Богом; социально-обеспечительные же отношения имеют исключительно *посюстороннюю*, социальную природу.

Следует, однако, при этом отметить, слегка забегая вперед, что с течением времени благотворительность *публицизируется*, приобретая некоторые социально-обеспечительные свойства.

³ В то же время, уже при Иване III, принявшем на себя титул *государя всея Руси*, начала разрабатываться идея самодержавия (суверенности) великокняжеской власти; титул царя и самодержца был принят внуком Ивана Великого, Иваном IV, торжественно венчавшимся на царство (1547).

Вместе с тем с развитием национальной государственности происходит формирование социальных механизмов, которые имеют очевидные черты социального обеспечения.

Эволюция государства, изменения, происходившие в идеологии и практике благотворительности, и формирование системы социального обеспечения — все эти процессы были связаны с эволюцией *поземельных отношений*. Попытаемся дать краткую характеристику всем этим процессам.

2. Основное исследование

2.1. «Святая нищета» и «нищелюбие»

В основе иерархии идеологических ценностей Средневековья, разумеется, имеющих религиозную окраску, лежит идея «святой нищеты». Эта идея принимается как православием, так и католичеством (однако отрицается в протестантской этике) (Курс российского трудового права 2001, § 2 гл. 3; Хохлов 2013, § 31). Идея богатства христианством не отрицалась, однако нищета трактовалась в качестве идеала, абсолютной ценности. «Не копите себе сокровищ на земле, где моль и ржавчина уничтожают и где воры подкапывают и крадут, — говорит Иисус своим ученикам, — а копите себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржавчина не уничтожают и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6:19; 6:20); «Истинно говорю вам: богатый с трудом войдет в царство небес» (Мф. 19:23); «И еще говорю вам: легче верблюду пройти через ушко иглы, чем богатому войти в царство Божье» (Мф. 19:24).

Таким образом, формируется два нераздельных полюса — богатство и нищета, и в этой логической связке второе является высшей ценностью, а первое необходимо как средство, позволяющее знатному и богатому достойно пройти свой земной путь, приблизившись к Царствию Небесному путем умаления своего богатства в пользу бедности и уничтожения своей знатности в пользу нищеты. Говоря иначе, в этом мире богатство нужно для того, чтобы благодаря ему бедность могла жить «ради Христа», но и богатству и знатности не в меньшей мере необходима бедность — для того, чтобы, жертвуя «ради Христа», в конечном счете приблизиться к идеалу святой нищеты. Отсюда вырастает принцип самой щедрой *благотворительности*, принцип, который в русской традиции было принято определять термином «нищелюбие». В Нагорной проповеди Иисус призывает: «Прозящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5:42); «...благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего... И так будьте милосердны, как Отец ваш милосерд» (Лк. 6:35–36).

Благотворительность при этом носит иррациональный, трансцендентный, характер: она отнюдь не заботится об уничтожении нищеты, ее цели выходят за границы этого, земного, мира⁴. Об этом очень образно пишет В.О.Ключевский: «Древнерусский благотворитель, “христороубец”, менее помышлял о том, чтобы

⁴ Таким образом, сверхчувственная идея средневековой религиозности была причиной того, что благотворительность была, с одной стороны, очень расточительна, а с другой, тем не менее, очень безрезультатна. Душевное спасение как имущего, так и неимущего требовало не устранения, а постоянного сохранения бедности и страданий (Эйкен 1907, 452–453).

добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования. Когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подаванием во имя Христово, трудно было сказать, которая из них больше подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих» (Ключевский 1991, 78–79).

Следовательно, в этих условиях не имела никакого значения причина бедности и нищеты, как не могла прийти никому в голову известная идея дать страждущему не рыбу, а удочку, научив ее использовать: оба — и дающий, и получающий с негодованием отвергли бы эту мысль; дающий — потому что ее реализация исключит возможность давать и тем самым закроет путь к вечному спасению, получающий — потому что он перестанет быть бедным и нищим и, следовательно, также затруднит для себя проникновение в райские кущи⁵.

В Древней Руси, так же как и в западноевропейских странах, общественное призрение долгое время строилось на принципе частного милосердия, осуществлялось под руководством церкви и не носило характера государственной функции (Швиттау 1915; Горовцев 1901; Стог 1818–1831; Дерюжинский 1893; Георгиевский 1894). Особую роль в организации благотворительности играли монастыри, при которых возникали особые поселения нищих, получавших название по имени монастыря. Селились нищие и при богадельнях, кладбищах и т. п. Таким образом обособлялись нищие монастырские, кладбищенские, богадельные, патриаршие и пр. — по способу их призрения. Естественно, что помощь нищим не носила не только организованного, но даже и систематического характера; церковь выступала лишь идейным руководителем, неся в массы христианскую идею, а также «сборщиком» средств для милостыни. Пример благотворительности подавали князья и другие представители власти, но не меньший размах имела и «народная» благотворительность, примеры которой приводятся в исторической литературе. Апогея раздача милостыни достигла при Иване Калите, благотворительность которого, давшая ему между прочим и его прозвище, имела и политический расчет, укрепляя его власть.

2.2. Становление национального государства и эволюция идеи благотворительности

Середина второго тысячелетия христианской эры стала периодом становления национальных государств в Европе. Россия не была здесь исключением. Применительно к предмету нашего исследования можно говорить как минимум о двояких следствиях (проявлениях) этого процесса.

С одной стороны, практика частной благотворительности, не ограниченная никакими рамками, привела повсеместно, и в России в том числе, к расширению

⁵ Строго говоря, средневековая идея «нищелюбия» содержит в себе фундаментальное противоречие, на что обращает внимание Г. Эйкен: ведь отдавая свое богатство нищему и тем самым приближая себя к христианскому идеалу, дающий делает обеспеченным одаряемого и, стало быть, тем самым оказывает ему плохую услугу, затрудняя для последнего путь в Царство Небесное. Однако это противоречие не замечалось, потому что благотворительность вообще требовалась с точки зрения не бедного, а имущего (Эйкен 1907, 447).

нищенства, более того — к его воспроизводству. Она становится фактором, оказывающим влияние на формирование народного характера (в самом деле, гораздо легче ничего не делать, получать нужные блага даром и при этом иметь высокий социальный статус, нежели в поте лица своего добывать хлеб свой). Таким образом, нищенство как социальный институт становится угрозой социальному мироустройству — как с материальной, так и духовно-нравственной стороны. Устранить эту угрозу могли становящееся национальное государство и неразрывно связанная с ним (в России) духовная власть.

Первым (по крайней мере, известным нам) актом, направленным на решение этой проблемы, можно считать Судебник Ивана IV (июль 1550 г.)⁶, который запретил пребывание в монастырях людей, не являющихся нищими. В силу ст. 91 Судебника: «А торговым людем городским в монастырех не жити, а жити им в городских дворех; а которые торговые люди учнут жити на монастырех, и тех с монастырей сводити... <...> А на монастырех жити нищим, которые питаются милостынею от церкви Божии».

Почти одновременно с Судебником состоялись решения Земского собора, который принял документ, именуемый Стоглавом (по числу содержащихся в нем глав). В этом акте впервые проведена *дифференциация нищих*. Для этого Собор постановил провести по городам их перепись. За одними из них — больными, и в силу этого не способными к труду, — сохранено право на милостыню со стороны церкви, причем высказывается необходимость в развитии форм закрытого призрения, для чего должны быть устроены «богадельни мужские и женские», надзор за которыми возлагается на городское белое духовенство и посадскую администрацию в лице «градских целовальников», избранных «добрых людей» (Скрынников 1991, 233–235). Другим же, к труду способным, в церковном призрении было отказано и предписано питаться, «ходячи по дворам от боголюбцев, яко же и до днесь...». Важность этого положения заключается в том, что введение подобной классификации посягало на устоявшиеся традиции и было инициировано священнослужителями, что, по мнению М. Соколовского, свидетельствует о том, что составители Стоглава уже прекрасно понимали «то нежелательное и экономически вредное последствие, которое так метко охарактеризовано словами: «нищий обкрадывает бедного» (Соколовский 1901, 71).

В странах Западной Европы эволюция идеи нищенства и частной благотворительности была связана с *протестантизмом*. И Лютер, и Кальвин ставят и кардинально решают вопрос о путях спасения: исходя из идеи предопределения, они полагают, что спасение достигается исключительно через веру. Логическим следствием (проявлением) предопределения является идея *призвания* в этой земной жизни, призвания как в смысле профессиональном (у Лютера — «*Beruf*»), что налагает на человека обязанность ревностного служения своему делу и достижения в нем успеха и процветания, так и в смысле приятия того положения, которое занимает человек в обществе.

Соответственно идея предопределения и призвания предполагает вывод о невозможности достижения прощения посредством совершения добрых дел, ибо

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. № 153 (далее — Акты исторические).

оно дается *даром*⁷. Таким образом, в общественном сознании происходит перелом, который и оформляется идейно протестантизмом: во-первых, нищенство теряет ореол святости и становится исключительно мирской (социальной) проблемой; во-вторых, частная благотворительность в плане религиозного спасения не имеет никакого значения, поскольку потусторонняя судьба человека уже определена, а в плане социальном она еще и вредна, поскольку способствует росту просящих милостыню.

Важно подчеркнуть, что протестантизм лишь наиболее четко фиксирует указанный переход, на самом деле он затронул все европейские страны, в том числе католические и православные.

В России этот процесс нашел воплощение столетие спустя после Стоглавого собора. В ноябре 1681 г. состоялся собор, который рассмотрел предложения царя Федора Алексеевича по ряду проблем церковной жизни и утвердил эти предложения⁸. В частности, сообщается, что по указу царя в «Москве о нищих рассмотрение учинено и велено их розобрать, и странных и болных держати в особом месте, со всяким доволством, от его государевы казны», соответственно Федор Алексеевич просит патриарха Иоакима «и преосвященным митрополитом и архиепископом приказать потомуж и во градах учинить пристанище нищим, чтоб нищие не скитались без призирания и ленивые б, имеющие здравие телесное, пристали к работе». Резолюция собора: «Сие предложение, угодное Богу и спасение християном, и соборне утверждаем: да будет так». Как видим, в данном случае публичная власть покуда пытается решить проблему нищенства косвенным и традиционным образом — посредством вовлечения в это дело церкви, как это и было веками ранее.

Годом позднее Федором Алексеевичем издается указ, посвященный нищенству и определяющий роль в решении этой проблемы непосредственно публичной власти⁹.

Основные положения Указа сводятся к следующему.

Во-первых, впервые в законодательстве проводится классификация нищих с целью определения характера их призрения. Для этого «надобно приказывать по караулам и по всем воротам, чтоб стрельцы нищих во Аптекарский Приказ приводили; и там смотря их, буде совершенные нищие, что работать не могут, или увечен, отсылать их в шпитальню; а буде какова притворнаго, здороваго нищего поймают, и о тех также указ надобно учинить, куды их отсылать, и какое им наказание чинить». В указанном положении уже видны два начала: для нетрудоспособных нищих сохраняется право на призрение, причем в специально создаваемых для этого

⁷ Это положение приводится в Аугсбургском вероисповедании (арт. XX, 28); его настойчиво, в ряде мест своей книги, воспроизводит и всячески аргументирует Ж. Кальвин.

⁸ Акты исторические. Т. V. СПб., 1842. № 75.

⁹ В литературе содержатся разные точки зрения по поводу природы упомянутого акта. Неясно, был ли он принят в качестве нормативного акта, но не исполнен в силу скорой кончины Федора Алексеевича, либо это только проект доклада (или сам доклад), который был поднесен государю для испрошения Высочайшего указа. Ознакомление с содержанием этого акта заставляет думать, что верной является вторая версия.

Текст документа был найден в рукописи среди старых дел Аптекарского приказа и впервые напечатан в 1818 г. А. Д. Стогом в труде «Об общественном призрении в России». Кроме того, подробное изложение указа с комментариями осуществлено В. М. Рихтером во втором томе его труда, вышедшем в 1820 г. (Рихтер 1820, 283–288). Оговоримся, что наименование труда В. М. Рихтера, ради экономии объема, дается в сокращении.

учреждениях — «шпитальных»; здоровые же нищие должны быть наказаны, и это первое упоминание в законодательстве о противоправности нищенства.

Во-вторых, Указ содержит ряд мер превентивного характера, предназначенных для искоренения нищенства. Прежде всего это касается предотвращения самовоспроизведения нищенства, когда дети нищих, не имея ни средств к существованию, ни необходимых навыков социального поведения, неизбежно также становились нищими. Намерения законодателя были достаточно серьезными, о чем свидетельствует та детальность, с которой описаны предлагаемые меры¹⁰.

В-третьих, Указ не только признает противоправность нищенства для здоровых, способных к труду людей, но и предлагает определенные меры их наказания по примеру «государств Еуропских», где «для унятия бродящих всяких воров, которые ленятся работать и смотрят, где бы кого покрасть, или мошну подрезать и шапку схватить, или иное какое зло учинить, зделаны двory, где таких людей поособым чюланцам сковав сажают на несколько недель, по вине смотря, и заставляют пилами тереть сандал, или иную какую тяжелую работу делать; и по работе смотря, в размере дают им и хлеба в весе, и воды или кваса. В тех дворах смиряют непослушливых сынов, которые досаждают отцам или матерям, или родителям своим; и тем многое воровство удерживается, для того что того двора зело те люди

¹⁰ Приведем здесь фрагмент текста этого раздела Указа: «О нищенских детех, робят и девок, которые также по улицам бродят милостыни просить, надобно Великого же Государя Указ учинить. А в иных государствах таким построены двory, в которых перво изуча их грамоте, научают ремеслу, какому кто похочет, или отдают мастерам их учить по домам; а девок отдают по монастырям для учения же... И таким бы способом многие науки и ремесла, которых ныне из иных чужих государств всегда здесь требуют, и дорогою ценою купят, или таких людей на тяжких и великих кормах призывают, на Москве завелись. А в таких дворах нетрудно учить наукам, которые зело во всяких случаях нужны и потребны, как последует: во-первых, наука цифирная, которая всякого чина людем годна, а наипаче же купетским; без которой многие купетские люди, щоту и выкладке не разумея, пропадають и обнищают... фортификация, или инженерская наука, без которых обоих наук Генералу или Полковнику, и ни какому начальному человеку чин свой по должности ни какими мерами исполнить невозможно... архитектура, которая учит всякие здания изрядно и правильно строить... знаменить, или живописная наука, которая тем всем наукам есть повождением. К той же принадлежит и перспектива... геометрия, которая учит земли размеривать, и расстояния места от места, и высоту и глубину точно цифирь. И инструментом смечать и сказать. И к строению крепостей городовых зело нужна. И фортификация, или инженерское дело, без сей не состоится... артиллерия, которая учит по размеру прямому как пушки лить и в какую меру стрелять, порох делать и всякие огнестрельные статьи, как гранаты и прочия к тому принадлежащая статьи; и в каких размерах их метать, чтоб на намеренные места падали. И те науки все можноб в школах к тому устроенных изучать. И оттаких бы гуляков, которые ныне туне хлеб ядят, ищзучась, Великому государю великая прибыль была. И вместо иноземцев, которых с великою трудностю достают и на малое время выезжают, да и те многие в тех науках несовершенны, можноб и своих завезть... А что ремесла всякие, и те по омуж можно было распространить на таких же дворах, изуча их. А науча добрым мастерам дав им прибыточные привилегии, от чего бы можно корысти быть, вскоре начнут распространяться. А по великой нужде надобны были ремесла сии следующие: шолковых локотных товаров дело, которое уже за милостью Божией и Великого Государя тщанием, чаять в доброе произведется поведение, если помочь заводилу того дела будет... суконное дело, к которому случаи самые добрые в Московском государстве есть; и можно сукна нарочитые делать... золотое и серебряное дело совершенно умеют иноземцы; а русские люди для того, что не учатся знаменити, того дела не умеют в совершенстве изучить... часовое дело, токарное, костяное, кузнечное всяких субтильных орудий и инструментов, которые ныне все из-за моря привозят... оружейное дело всякими образцы, также печат медными досками и иные многие рукоделия... А к наукам и всяким ремеслам были б чають многие охотники, для того, что от народа российскийго многие зело понятливы, как о том о некоторых образцы есть...»

опасны, ведая тяжкую работу и скудость пищи». Как видим, труд выступает средством помощи нищим, однако он носит характер наказания и является не просто обязательным, а принудительным.

Эпоха Петра Великого завершает эволюцию идеи «святой нищеты» и частной благотворительности. Говоря коротко, нищета окончательно теряет свой сакральный характер и становится чисто светской проблемой, а частная благотворительность не просто осуждается, а признается противоправным деянием, караемым высоким штрафом.

С другой стороны, косвенное, но весьма значительное влияние на идею благотворительности оказало изменение положения церкви (прежде всего монастырей) в системе отношений собственности, главным образом в сфере *поземельных отношений*.

Как мы знаем, в европейских странах в средневековую эпоху церковь вообще являлась одним из важнейших факторов, определявших все стороны социальной жизни. Конкретным проявлением этой роли и этого могущества являлись огромные земельные владения церкви, в особенности монастырей. Можно вспомнить о том, что уже в раннее Средневековье короли жаловались на то, что их казна совершенно опустела и что их богатства перешли к церкви, что в ее руках находится до трети земельных угодий государства. И много позднее, в Англии во времена Тюдоров, треть маноров принадлежала католическим монастырям (Хохлов 2013, § 18, 27). Средневековая Россия не была здесь исключением: в Московии, именуемой также Белой Русью, весьма много иноческих обителей, у которых столько земли, что «третья часть полей в Империи принадлежит им», — замечает Климент Адамс¹¹; то же самое утверждает и Джером Горсей, причем последний вкладывает эту констатацию в уста самого Грозного (Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев 1986, 127). Эти сведения, правда, вполне можно признать недостоверными. Так, например, по данным Н. А. Рожкова, общепризнанного специалиста в области аграрной истории Руси, в конце XVI в. по разным регионам страны доля монастырского и церковного землевладения в общей площади пахотной земли не превышала, по общему правилу, 15 % (колеблясь от 1,2 до 12,8 %). Лишь в уездах Пскова и его семи пригородах эта доля составляла 51,9 %, а с учетом земель владыки новгородского — 53,1 % (Рожков 1899, 368). Даже имея в виду активную политику правительства Ивана Грозного, трудно предположить, чтобы на протяжении царствования последнего произошло такое существенное перераспределение земельных владений¹².

Вопрос, однако, заключался отнюдь не только в доле монастырского и церковного землевладения в общей площади обрабатываемой земли. Заметим, что монашество повсеместно в Европе в середине тысячелетия (в Италии — на рубеже XII–XIII вв., когда благодаря св. Франциску Ассизскому появилось новое направление в монашестве) подверглось критике с двух сторон: с внешней и внутренней.

¹¹ Насколько можно судить, сочинение Адамса было впервые опубликовано на латинском языке в 1600 г. В записках самого Ченслера, оставшихся незаконченными ввиду его гибели в 1556 г. и доработанных Адамсом, утверждается, что «монахи имеют поместий вдвое против самого князя».

¹² Конечно, в новоприобретенных землях Московского государства распределение земельной собственности должно было осуществляться в большем соответствии с политикой публичной власти, нацеленной на ограничение монастырского и вообще церковного землевладения. Однако и в старых регионах доля этого последнего была весьма невелика: например, она составляла в Тверской половине 5,7 %, а в Тульском уезде — 6,3 % (Рожков 1899, 369–371).

Миряне выражали неудовольствие не столько образом жизни монашествующих, сколько агрессивной политикой по расширению земельных владений. Известно много случаев на Руси, когда местные жители, узнав о том, что рядом с ними кто-то собирается основать монастырь, опасаясь захвата их земель, предпринимали против инициатора разного рода меры, вплоть до угрозы убийством или даже убийства. Протест вызывало и то, что нередко благочестивые земельные собственники, умирая, отдавали свои владения церкви «на помин души», оставляя своих ближайших родственников без средств к существованию. Публичную же власть не устраивало, во-первых, то, что благодаря расширению монастырских вотчин происходило сокращение площади служилого вотчинного землевладения, а во-вторых, то, что эти земли попадали под действие берущих свое начало еще из ханских ярлыков так называемых *тарханских (жалованных) грамот*, гарантирующих иммунитет церковным землям от всякого рода государственных повинностей, в том числе от налогов. Таким образом, выбывавшие земли переставали приносить хоть какую-то общественную пользу, во всяком случае напрямую. Иными словами, принцип, суть которого сформулирована В. О. Ключевским, — «кто служит, тот владеет землею, кто не служит, тот тянет тягло», — нарушался в обеих своих составляющих: монастырская братия, не будучи обязана личной службой, при том владела вотчинами и не тянула тягло¹³.

Что касается внутреннего фактора, то общим моментом критики монастырской жизни практически во всех европейских странах явился отход монашествующих от аскетических идеалов, заповеданных основателями монашества, чрезмерная вовлеченность иноков в хозяйство, стремление к накоплению богатств, которое часто становилось самоцелью¹⁴. На Руси, как известно, эта проблема стала предметом дискуссии между *нестяжателями* и *иосифлянами* (конец XV — первая половина XVI в.). Не углубляясь в существо этого крайне интересного и сложного вопроса, обратим внимание на то, что одним из активных проповедников идеи нестяжательства выступал Вассиан (Патрикеев), бывший выходцем из знатной служилой фамилии, как и на то, что проповедь нестяжателей некоторое время имела поддержку у публичной власти.

Таким образом, интересы формирующегося национального государства и общества повсеместно, во всем христианском мире, вошли в противоречие с интересами церковного землевладения; государство было объективно заинтересовано если не в секуляризации, то хотя бы в ограничении роста церковных земель. В раз-

¹³ На этот момент прямо указывают тогдашние критики церковного землевладения: «Это не есть царская милость к инокам, но душевный вред и вечная погибель для них, если цари дают им, как воинам (служилым людям), княжеское и боярское жалованье, т. е. волости с крестьянами» (цит. по: Павлов 1871, 138).

¹⁴ Как замечает А. С. Павлов, приволье и покой жизни в монастырях, богатых вотчинами, привлекали сюда немало таких людей, которые, надевая монашескую рясу, вовсе не думали об иноческих подвигах. Таких именно монахов нашел в Троицкой лавре строгий белозерский пустынножитель Паисий Ярославов, поставленный сюда в игумены по воле великого князя Ивана III. Попытки Паисия «обратить братию на путь Божий, на молитву, пост и воздержание» лишь оправдали пословицу «в чужой монастырь со своим уставом не ходи»: братия возмутилась против строгого игумена, а постриженники из князей и бояр хотели даже убить его, так что Паисий вынужден был оставить свое игуменство. Другой ревнитель древней монастырской дисциплины — Иосиф Савин (будущий глава «иосифлян») обошел несколько северных обителей, когда-то славных своими строгими уставами, — и ни одну не остался вполне доволен (Павлов 1871, 11–12).

ных странах это противоречие разрешалось по-разному, наиболее кардинально — в Англии, где в рамках становления новой церкви (англиканской) во времена Тюдоров было полностью ликвидировано монастырское землевладение, как и монастыри вообще, и в руках у государства оказались огромные, прежде всего земельные, монастырские богатства (Хохлов 2013, § 27). В Московской Руси попытки секуляризации были гораздо мягче и гораздо менее последовательны.

В принципе ограничение церковного (монастырского) землевладения могло осуществляться по трем основным направлениям: посредством, во-первых, ограничения возможности приобретения церковью земель, во-вторых, прямого изъятия церковных земель в пользу государства, наконец, в-третьих, ограничения ее прав как земельного собственника.

(1) Вотчины могли быть приобретены церковью (монастырем) тремя основными способами: посредством купли, вследствие завещания собственника («на помин души») либо пожалования царем и великим князем.

Меры, направленные на ограничение отчуждения вотчин в пользу монастырей, начали осуществляться еще Иваном III. Прежде всего, изымая после завоевания Великого Новгорода в 1478 г. вотчины местных бояр, не исключая и монастырские земли, он одновременно вводил запрет новгородскому владыке и монастырям увеличивать свои земли как путем купли, так и через отказы на помин души. Запрещение служилым людям отдавать свои вотчины в монастыри на помин души было распространено и на другие присоединенные к Москве земли (Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Белоозера), а также на потомков прежних удельных князей (суздальских, ярославских, стародубских). Этот запрет позднее был подтвержден Соборным приговором от 11 мая 1551 г. Более того, этот приговор вводил, с некоторыми исключениями, полный запрет архиереям как покупать, так и принимать по духовным грамотам чьи бы то ни было вотчинные земли, без предварительного уведомления об этом правительства под страхом безденежного отчуждения таких земель в пользу государя¹⁵. Незыблемость этого правила была подтверждена и актом от 15 января 1563 г., и, наконец, общей нормой ст. 85 царского Судебника.

Собор духовенства и бояр, снова констатировав действие «старого государственного уложения», 9 октября 1573 г. приговорил новую и более решительную меру: «...впредь в большие монастыри, у которых земель много, не отказывать вотчин; если же кто завещает такому монастырю свою вотчинную землю, то ее в Поместной избе не записывать за монастырем, а отдать роду и племени — служилым людям, чтоб в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила». Бедные монастыри, имевшие мало земель, сохраняли право приобретать вотчины за счет отказов на помин души не иначе, однако, как по боярскому приговору и с докладом государю. Вотчины, закрепленные на этом основании за монастырями, не подлежали выкупу родственниками завещателя (Павлов 1871, 142).

Предусмотренные Собором 1573 г. запреты, видимо, мало соблюдались, о чем можно судить по тому факту, что Соборный приговор от 15 января 1580 г., будучи внешне направленным на защиту неприкосновенности наличных имуществ церк-

¹⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1, № 227 (далее — Акты Археографической экспедиции).

ви¹⁶, в то же время ввел абсолютный запрет архиереям и монастырям покупать и брать в заклад или на помин души вотчины служилых людей, более того, увеличивать свои владения каким бы то ни было способом — под страхом безденежного изъятия приобретенного в пользу государя. Кроме того, приговаривалось отобрать на государя все вотчины, которые до 15 января 1580 г. были куплены или взяты в заклад архиереями и монастырями у служилых людей, при этом вопрос о судьбе соответствующих денежных сумм передавался на усмотрение государя.

Впрочем, насколько можно судить, и это строгое установление не соблюдалось, причем не соблюдалось оно не только вотчинниками, но и самим государем, который нередко передавал земли монастырям на помин души казненных по его приказу бояр. Кстати, как мы видим, оно и касалось только земель, купленных или взятых в заклад и совершенно не затрагивало переданных церкви на помин души.

Впоследствии (например, Собором 1584 г.) неизменно подтверждалось, чтобы вотчинникам вотчин своих по душам не давать, но с такой же неизменностью это требование не исполнялось.

(2) Как замечает А. С. Павлов, случаи изъятия светскими властями церковных имуществ были и ранее, но это были лишь эпизодические и случайные ограбления, против которых святые отцы эффективно действовали увещанием и страхом анафемы. В XV и особенно в XVI веках опасность начинает грозить уже всей церкви, и тем сильнее, что правительство и общество дошли до сознания нравственных, народно-экономических и государственных невыгод, происходящих от излишнего обогащения церквей и монастырей вотчинами. Правда, духовная иерархия и теперь еще имела довольно силы, чтобы отстоять неприкосновенность поземельной церковной собственности более чем на два столетия (Павлов 1871, 7).

Первые системные попытки изъятия церковных земельных владений в пользу государства начали предприниматься еще во времена Ивана III, и далеко не все они были безуспешными. Прежде всего, следует вспомнить о том, что Иван III в Новгороде изымал вотчины у местных бояр и передавал их, но уже на поместном праве, местным дворянам, а также выведенным из Москвы людям; это, кстати говоря, касалось и монастырских вотчин. На рубеже столетий проблема церковного землевладения сделалась предметом дискуссии между нестяжателями и иосифлянами и была представлена на рассмотрение Собора 1503 г., однако Собор не поддержал нестяжателей (и, соответственно, стоявшего за ними великого князя), так что Иван III к вопросу о секуляризации церковных земель более не возвращался. Развернувшаяся по данной проблеме борьба после смерти великого князя (1505 г.) имела главным образом идеологический, литературный, хотя и весьма ожесточенный характер и, как известно, закончилась поражением нестяжателей, некоторые из которых (Вассиан (Патрикеев), Максим Грек) были подвергнуты церковному суду. Заметим, что Василий III, по своим воззрениям являвшийся ничуть не меньшим ревнителем самодержавия, чем его отец и сын, весьма сочувственно относился к идеям нестяжателей, тем не менее на протяжении своего княжения не предпринимал каких-либо существенных мер, направленных на секуляризацию монастырских земельных владений, и, как кажется, наряду с прочим, это являлось одним

¹⁶ Примечательно в этом смысле название документа: «Грамота приговорная всего духовного чина... в том: чтоб имеющихся при архиерейских домах и монастырях вотчин не отбирать, и никому оных не выкупать» (Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 200).

из аспектов политики публичной власти в отношении церкви: Василий Иванович предпочитал не отбирать монастырские земли в казну, а ставить под контроль публичной власти хозяйственную деятельность монастырей.

В дальнейшем, уже при Иване IV, его обращение в 1550 г. к митрополиту Макарию с просьбой о передаче государству церковных земель в Московском уезде (ввиду истощения государственного земельного фонда вследствие раздачи оброчных и черных земель служилым людям) встретило отказ со ссылкой на постановления Собора 1503 г. и даже на практику монгольских ханов, которые, будучи иноверцами, как, например, хан Узбек, своими ярлыками обеспечивали неприкосновенность церковных имуществ. Поэтому и Ивану Грозному не оставалось ничего иного, как продолжить политику своего отца в этой области.

(3) Следует заметить, что монастырское землевладение с давних пор (по крайней мере, в удельную эпоху) по своему правовому режиму не отличалось, во всяком случае существенно, от правового режима светских вотчинников — их автономия от территориальных властителей не была абсолютной, границы их иммунитета определялись соответствующими жалованными грамотами. Попутно отметим, что нельзя думать, будто церковные (монастырские) земли представляли собой некий *единый* земельный фонд, собственником коего являлась церковь в целом: существовали отдельные земельные участки, которые принадлежали архиереям или конкретным монастырям, и эти участки являлись собственностью территориальных владетелей, на землях которых они располагались (при этом такими владетелями могли быть и архиереи). Кстати говоря, в период объединения русских земель вокруг Москвы это движение захватило не только служилых людей, переходивших на службу к московскому великому князю, но и монастыри, и это не всегда приветствовалось как удельными князьями, так и представителями духовной власти. Суть ситуации прекрасно описал один духовный владыка: «...я волен в своем *чернице*, а князь Федор (удельный князь. — М. Ф., Е. Х.) волен в своем *монастыре*: хочет — грабит, хочет — жалует». Очевидно, что с возникновением централизованного государства эта максима сохранилась, с тем только уточнением, что власть над монастырями сосредоточилась в руках великого князя московского. Правительственный контроль за распределением монастырских доходов и расходов давал возможность обращать их излишки на общецерковные, народно-благотворительные и даже на государственные нужды. Именно поэтому упомянутый выше великий князь Василий Иванович предпочел не изымать имущество у монастырей, а усилить контроль над их хозяйственной деятельностью, гораздо решительнее своего отца входя во внутреннее управление монастырей, назначая игуменов, давая им наказы «как беречь казну и доволить братию», требуя от монастырских властей строгой отчетности в употреблении казенных денег (для чего установил порядок приема и сдачи монастырских имуществ настоятелями по описям, составляемым великокняжескими писцами). Как заключает, констатируя все это, А. С. Павлов, «при Василии Ивановиче монастыри в первый раз подчинены были *правильному* государственному контролю, который, в конце концов, вел к полной экономической зависимости их от правительства». Дело не ограничилось только монастырями: при этом же государе сделано было замечательное распоряжение и относительно архиерейских доходов, именно — предписано митрополиту, архиепископу и епископам давать из своей казны «пошлину» в пользу присоединенной к Москве

смоленской кафедры, которая, в сравнении со своими великорусскими сестрами, терпела разные «недостатки» (Павлов 1871, 100–101).

В период боярского своеволия, пришедшийся на детские годы Ивана IV, государственный контроль над хозяйственной деятельностью монастырей сильно ослаб или даже вовсе исчез. Меры по его восстановлению были предприняты в середине столетия. Потерпев неудачу в попытках обратить в пользу публичной власти церковные земельные владения, Иван IV обратился к соображениям обеспечения порядка благочестия в жизни монашествующих, в чем нашел поддержку Стоглавого собора (1551 г.), который передал в ведение приказа Большого двора вотчины и доходы отдельных церковных установлений, «чтобы монастыри и казны монастырские ведались и описывались царскими дворецкими и дьяками, которые усчитывают архимандритов, игуменов и строителей во всяком приходе и расходе» (Павлов 1871, 28–31, 103).

Завершая этот вопрос, следует упомянуть о судьбе так называемых *тарханских грамот*. Будучи разновидностью жалованных грамот, тарханские грамоты вели свое начало от ярлыков, выдаваемых церкви ордынскими ханами, и предоставляли их обладателям право не быть судимым никем, кроме государя, и, кроме того, освобождали от ряда государственных повинностей. Попытка существенного ограничения практики выдачи тарханских грамот была предпринята в начале 1550-х годов, в рамках общих мер по реорганизации системы государственного управления: царский Судебник предусмотрел «впредь тарханские грамоты никому не выдавать, а старые изъять»; вместе с тем льготные грамоты могли выдаваться каким-либо лицам по указам царя (ст. 43). Собор, созданный в июле 1584 г., т. е. уже при Федоре Иоанновиче, ввиду крайнего истощения страны вследствие тяжелых и далеко не всегда победоносных войн в предыдущее царствование, постановил отменить тарханские грамоты с 1 сентября и до той поры, «пока земля поустроится и помощь во всем учинится царским осмотрением»¹⁷. Следует, впрочем, заметить, что это постановление постигла та же судьба, которую претерпела и большая часть других мер, направленных на ограничение имущественных прав церкви: они не исполнялись. Например, упомянутое постановление Собора было нарушено уже в октябре, причем не кем иным, как самим царем (Соловьев 1988, 298–299)¹⁸.

Как бы то ни было, общая тенденция, наметившаяся еще при Иване III, заключалась в том, что, не будучи в состоянии, по разным причинам, кардинально решить проблему церковного землевладения, государство пошло по пути обращения церкви (монастырей) со всеми ее богатствами на службу *публичным интересам*.

В особенности такая тенденция усилилась в XVII в. Характерна в этом плане Патриаршая грамота от 30 сентября 1677 г., адресованная Симону, архиепископу вологодскому и белозерскому¹⁹. Из грамоты узнаем, что в Москве существовали богадельни для «старниц и нищих, мужеска полу и женска, четьреста двенадцать

¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 202.

¹⁸ Борьба с тарханскими грамотами оказалась нелегкой: сто лет спустя, 1 марта 1672 г., принимается именной указ с боярским приговором об уничтожении тарханских грамот (Полное собрание законов Российской империи. Т. I, № 507, далее — ПСЗ), однако и он, очевидно, оказался неисполненным, поскольку понадобилось его подтверждение новым царем, Федором Алексеевичем (Именной указ от 9 августа 1677 г. об отмене тарханских грамот, в подтверждение указа 1672 марта 1. ПСЗ. Т. I, № 699).

¹⁹ Акты Археографической экспедиции. Т. IV, № 228.

человек, которым даван корм, денги и хлеб и соль и прочая потребная на пищу и одежду из Приказа Болшого Дворца». Указом Федора Алексеевича от 1 мая 1677 г. было дано предписание ведать этими богадельнями «святейшего патриарха дому и питати их и всякая потребная им давати из нашего ж (т. е. патриаршего. — М. Ф., Е. Х.) дому». Поскольку на содержание всех этих богаделен требуется весьма внушительная сумма денег (1780 руб.) и, кроме того, значительные продовольственные припасы, патриарх, «с советом великого государя», дает предписание о ежегодном сборе и доставке в домовую патриаршую казну денег на содержание этих богаделен.

Аналогичного содержания Патриаршая грамота от 7 октября 1682 г. адресуется архиепископу холмогорскому и важскому Афанасию²⁰.

Царская грамота от 20 марта 1680 г. архимандриту Тихвинского монастыря Макарию с братьею²¹ интересна не только тем, что она предписывает содержать в монастыре отставных за старостью и увечьем стрельцов за их службы и выдавать им хлебное и денежное жалованье по установленным нормам, но также и тем, что это предписание исходит не от патриарха, а непосредственно от светской власти. Кроме того, из грамоты узнаем, что «отставные стрельцы в розные монастыри для прокормления посланы», т. е. эта публичная обязанность возлагалась не только на Тихвинский монастырь.

Эпоха Петра завершает процесс «публицизации» церковной и прежде всего монастырской благотворительности. Церковь становится на службу публичным (государственным) интересам, и ее материальные человеческие ресурсы привлекаются государством для достижения этих интересов — будь то строительство судов для военно-морского флота в Архангельске или Воронеже или необходимость обеспечения содержания старых, больных и убогих людей.

2.3. *Международный аспект благотворительности на Руси: роль духовной и публичной властей*

Коснемся, по необходимости кратко, этого чрезвычайно интересного эпизода истории России периода раннего Нового времени.

В 1453 г. под ударами турок-османов пал Константинополь. Восточная Римская империя прекратила свое существование, и на ее месте стала стремительно формироваться и расширяться Османская мусульманская империя. В возникшем в середине второго тысячелетия государстве, получившем название Речь Посполитая, активно распространялось католичество. Таким образом, в тогдашней ойкумене осталось только одно могущественное православное государство — Русь со столицей в Москве.

В 1448 г. Собор русских православных епископов избирает митрополитом Киевским и всея Руси Иону, причем эта кандидатура не была согласована с Константинопольским патриархом. В 1459 г. очередной собор официально закрепил порядок избрания первосвятителей-митрополитов Собором русских епископов с согласия московского князя, чем было положено начало автокефалии Русской церкви.

²⁰ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 4, № 153.

²¹ Акты исторические. Т. V, № 58.

Вследствие всех этих событий прекратилось каноническое общение с Константинопольским патриархатом и другими восточными православными церквями. Прерванное церковное общение начало восстанавливаться без малого столетие спустя, причем иерархи восточных православных церквей усматривали Россию и русскую православную церковь едва ли не как единственный источник организационной и материальной поддержки.

Летом 1516–1517 г. Константинопольский патриарх Феопит обращается к митрополиту Варлааму с посланием²², в котором, жалуясь на то, что «Соборная церковь, сущая мати всех православных христиан, нужи и обиды великие имать, якоже весте, в них же ни откуду помощи не имать, токмо и первое от Бога», информирует о направлении на Русь митрополита Григория и старца дьякона Дионисия с просьбой к иерархам русской церкви и к «наивысшему и кротчайшему Царю и Великому Кралою всея православные земли Великия Русии» о «помощи и поспешению, делом и словом».

В этом же году с аналогичной просьбой к Варлааму как к «митрополиту Московскому и всех земель Руских» обращается игумен Афонского Пантелеимоновского монастыря Паисий²³, который в своем послании пишет: «Мы прислали тамо к вам ... Саву проигумена инока, и Пахомия священнонока, да Матфоса инока...», «Паки молимся, жалуй и милуй святыи монастырь и впредь, своего ради спасения и вечного поминания, како тя Дух Святыи наставит...»

Александрийский патриарх Иоаким обращается прямо к великому князю Василию Иоанновичу (до 1533 г.)²⁴, сообщая, что посланы к нему три старца, Симеон, Макарий и Игнатий «...ради прошения милостыни от царства твоего»; кроме того, «прииде в землю царствия твоего убогая инокиня, от святого града Иерусалима, именем Макрина, игумения монастыря Святыи Богородица Одигитрия, просити милостыни от царства твоего и от всех православных христиан, нужда ради и нищеты поможения...».

Все приведенные случаи относятся к XVI в. Однако такая «международная» благотворительность осуществлялась и позднее, что заставляет думать, что это было обычной практикой. Наиболее известна история посещения России с этими целями антиохийским патриархом Макарием в середине XVII в. Известность это путешествие получило благодаря тому, что в свите патриарха находился его сын, архидиакон Павел Алеппский, который обладал даром наблюдательности и литературным талантом, описав подробности этой миссии (Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... 1896)²⁵.

Представляет интерес еще один исторический документ, относящийся к середине XVII в. Это царская жалованная грамота Батуриному Крупицкому Николаевскому монастырю от 17 августа 1650 г. на приезд игумену и старцами за милостыней²⁶. Основанием дачи грамоты послужила челобитная игумена Крупицкого Николаевского монастыря в г. Батурине Исихия с братией о предоставлении «жа-

²² Там же. Т. I, № 121.

²³ Там же. № 123.

²⁴ Там же. № 133.

²⁵ Патриарх Макарий был в России дважды, первый раз для сбора милостыни, второй — для суда над патриархом Никоном.

²⁶ Акты исторические. Т. IV, № 41.

ловальной» грамоты, «чтоб им волно было приезжать в наше Московское государство, к нам великому государю для милостыни». Грамота просимая была дана, в ней предусматривалось право приезда в государство трем или четверем монастырским старцам и службе «для монастырского строенья и для милостыни, в седьмой год» (т. е., видимо, раз в семь лет); это разрешение сопровождалось рядом льгот и гарантий, в числе которых обеспечение беспрепятственного проезда до Москвы и обратно, предоставление определенного числа подвод «под рухлядь», обеспечение безопасности проезда специально выделенными детьми боярскими, выплата денежного содержания на время пути. Напомним, что описанные события относятся к 1650 г., т. е. до Переяславской рады оставалось еще почти четыре года и, следовательно, город Батурин находился за пределами границ Русского государства.

2.4. О системе государственного социального обеспечения в Московском государстве

В допетровской Руси осуществлялись меры, имеющие очевидно социально-обеспечительную природу. При этом, насколько можно судить, речь должна идти если не исключительно, то главным образом о социальной поддержке *военных людей*.

Прежде всего, обратим внимание читателя на три имеющих в нашем распоряжении исторические документа.

Царская грамота от 22 ноября 1633 г. адресована псковским воеводам²⁷. В ней сообщается о том, что к царю обратились с челобитной ратные люди, в которой челобитчики пишут: посылают псковские воеводы, в соответствии с царским указом, их «изо Пскова на Литовскую землю войною», и на царской «службе они в войне на боех многие ранены». Поэтому челобитчики просят царя пожаловать их — «велети им наше жалованье, на лечбу ран, на зелье давати во Пскове». Царь удовлетворяет эту просьбу и предписывает давать жалованье на лечение раненых военных людей из царской казны во Пскове, по осмотру на месте «смотря по ранам, рубли по два, и по три, и по четыре рубли человеку; а болши четырех рублей, на лечбу ран, на зелье» давать было не велено.

Другая грамота царя Михаила Федоровича от 28 января 1634 г.²⁸ сообщает о Поместном соборе (который и состоялся 29 января) и приводит содержание большой речи, произнесенной на Соборе царем, в которой обосновывались причины войны с Польшей. Михаил Федорович сообщает, что расходы на ведение войны, в том числе на содержание войска, до сих пор финансировались из государственной казны. Ввиду истощения казны Собор приговорил собрать пожертвования со всех государственных сословий на жалованье ратным людям.

Примечательна *Память* боярину кн. Сулешеву и дьяку Внукову от 27 ноября 1633 г.²⁹, в которой Михаил Федорович «пожаловал вдов, у которых мужья их на государеве службе под Смоленском и в иных местех на боях, в 141 и в нынешнем во 142 году, побиты и померли, а после их поместья и вотчины даны им и детям их на прожиток за нынешнюю службу (об этом — ниже. — М. Ф., Е. Х.), и с тех их поместий и с вотчин даточных людей имать не велели».

²⁷ Акты Археографической экспедиции. Т. III, № 234.

²⁸ Там же. № 242.

²⁹ Там же. № 235.

Как видим, все три исторических документа относятся к одному событию — исключительно тяжелой и не совсем удачной для России войне с Польшей (или Смоленской войне) 1632–1634 гг. Однако можно не сомневаться, что аналогичного характера решения принимались русским правительством и в других аналогичных обстоятельствах.

Вместе с тем очевидно, что указанные меры социально-обеспечительного характера принимались по конкретному случаю и, соответственно, имели переходящий характер. Наряду с ними на Руси постепенно создавалась *система мер социальной защиты*. Эта система формировалась по мере становления института государственной (прежде всего военной) службы и соответствующих изменений в системе земельных отношений. Попытаемся кратко и весьма схематично охарактеризовать все эти процессы.

В условиях *аграрного общества* (а Русь была именно таким обществом) все главные социальные связи были так или иначе завязаны на *землю*.

В странах Западной Европы на основе отношений по земле сложилась сеньориально-вассальная система организации публичной власти. Король, стоявший в вершине этой системы и формально являвшийся верховным собственником всей земли государства, опирался на менее крупных земельных собственников (графов), связанных с ним вассальной присягой; в свою очередь эти последние являлись сеньорами по отношению к еще более мелким держателям земельных участков (баронам), являвшимися их вассалами. Все эти связи образовывали иногда довольно причудливые конфигурации, как, например, во времена Столетней войны, когда английский король являлся вассалом короля французского; нередко экономическая и военная мощь вассала превосходила могущество его сеньора. При таких условиях едва ли не единственным средством, обеспечивавшим функционирование отношений власти-подчинения, была клятва вассальной верности, как показывала практика, средство весьма ненадежное. Кстати говоря, со становлением централизованного национального государства именно независимость и непокорность крупных земельных магнатов, к тому же обладавших собственными армиями, явились главным препятствием на пути этой государственности, и с этими магнатами практически повсеместно велась борьба разными средствами, в том числе и репрессивными. В Англии, например, пик борьбы «с замками» пришелся на эпоху Генриха VIII и Елизаветы I.

Мы не станем здесь касаться сложной проблемы наличия или отсутствия феодализма на Руси (как мы помним, в литературе предлагаются разные решения этой проблемы). Ограничимся только констатациями, имеющими непосредственное отношение к предмету настоящей статьи.

С древнейших — скажем так, с *дружинных* — времен войско русского князя составляли воины, которые определялись термином «*слуги вольные*». Слуги вольные — это люди, которые поступили на службу к конкретному князю по *договору*, т. е. не будучи зависимыми от князя ни в каком другом отношении и связанные с ним только заключенным договором. При этом, во-первых, признавалось действие принципа свободы договора, что проявлялось в праве его одностороннего разрыва слугой вольным (в «*праве отъезда*»); во-вторых, право отъезда слуг вольных обеспечивалось соответствующими договорами, заключаемыми между суверенами-князьями («работодателями» слуг вольных). Экономической основой

такой договорной свободы для слуг вольных являлось то, что они, как правило, являлись собственниками определенных земельных участков, переходивших по наследству от предков (отчин), т. е. являлись *вотчинниками*. Соответственно, право отъезда и одновременно неприкосновенность права собственности на вотчину и обеспечивались соответствующими междукняжескими договорами. В качестве примера приведем договор между Симеоном Гордым и его младшими братьями (1341 г.)³⁰, в котором говорится: «А боярам и слугам вольным воля; кто поедет от нас к тебе к Великому Князю, или от тебе к нам, нелюбя ны не держати». При этом подтверждается и неприкосновенность имущественных прав «отъехавших» бояр: «Нам (князьям) в села их (отъехавших) не вступатися» или: «А дома им свои веда-ти, а нам ся в них не вступати».

Итак, при «отъезде» боярин менял своего «работодателя», однако его имение оставалось, как мы видели, в юрисдикции прежнего князя, и договоры между князьями обеспечивали сохранение владельческих прав на это имущество. Другой вопрос, насколько соблюдались условия этих договоров: не имея права, в силу договора, «вступатися» в села или «в дома» отъехавших, князья могли злоупотребить имевшимися у него фискальными правом — попытаться разорить отъехавшего налогами, пошлинами и прочими поборами. Этот вариант не был упущен из виду, и в княжеских договорах ставшими чужими слугами бояр надлежало «блюсти как своих», в частности, и дани с них брать как со своих.

При таких условиях содержание отношений между князем и слугой вольным определялось исключительно тем, что было записано в договоре, в том числе и имущественная составляющая этого договора. Слуга вольный нес службу, разумеется, за вознаграждение, однако имущественные обязанности князя в случае его смерти или ранения не были конститутивным элементом содержания их отношений. Иначе говоря, в случае смерти или увечья слуги вольного имущественная ответственность князя если и возникала, то только в той мере, в какой это было предусмотрено в договоре. В случае смерти слуги вольного в права собственности на вотчину вступали его наследники, в случае же его увечья, исключавшего возможность продолжения службы, бывший слуга вольный имел возможность кормиться со своей вотчины. Таким образом, в этой системе отношений нет оснований усматривать хотя бы какие-то признаки социально-обеспечительного характера.

Ради точности отметим, что в практике средневековой Руси были и исключения из этого правила — среди служилых людей встречались категории *служилых князей* (которые могли поступать на службу либо без вотчины, либо «служить с отчиной»), а также *служилых бояр* без отчин. Заметим, что и в Западной Европе система, в основе которой лежало пожалование за службу лена (феода), заменяется к XIV столетию так называемым *рентным феодем*, когда вассал получал от сеньора за свою службу уже не реальный участок земли, но лишь доход (ренту) с него (*фьеф-рента*); а в XV в. широко распространяется, особенно в Англии и Франции, система *феодальных контрактов*, когда вассал обязывался служить сеньору в течение обусловленного в договоре срока просто за денежную плату. Соответственно, в обоих случаях вассальные отношения постепенно отрываются от земельного держания и превращаются в чисто денежные отношения. Судя по

³⁰ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 23.

всему, и у нас существовало нечто подобное, но это было исключением из общего правила.

Право перехода («отъезда»), видимо, широко практиковалось в удельной Руси, иногда принимая трагические (для князей) формы. Так, например, весьма показательна печальная судьба нижегородского князя Бориса Константиновича, вступившего в раздоры с великим московским князем Василием Дмитриевичем (1392 г.): его бояре, присягнувшие ему первоначально на верность, затем с чистым сердцем все поголовно отказались от своей поддержки со словами: «Господине княже! не надейся на нас, уже бо есмы от ныне не твои и несть с тобою есмы, но на тя есмы». Надо полагать, что переход свой нижегородские бояре осуществили вместе со своими вотчинами; это предположение кажется тем более очевидным, что их прежний князь, Борис, перестал быть сувереном, поскольку Нижний Новгород стал принадлежать московскому князю, а Бориса, его жену и детей в оковах развезли по приказанию Василия I по разным городам.

Сходная судьба постигла великого московского князя Василия Васильевича, прозванного Темным (поскольку был ослеплен его соперником в борьбе за великокняжеский престол Дмитрием Шемякой). Василий Темный, по ослеплению, был сослан в заточение на Угличе-Поле; от прав своих он не отказывался и мира с похитителем своей власти не заключал. Дмитрий Шемяка был открытый враг его. Тем не менее все служилые люди Василия, за ничтожными исключениями, отъехали от него и били челом Дмитрию о приеме их на службу (Сергеевич 2007, 420–421).

Такого рода случаи участились по мере централизации русских земель вокруг Москвы. Как кажется, иногда бояре, переходившие под руку Московского князя из Литвы, забирали с собой даже те привилегии, которые были дарованы им лично и, стало быть, должны были отчуждаться в связи с прекращением прежней службы.

Нечего и говорить, что практика «отъезда» от одного суверена к другому с сохранением за отошедшим права собственности на свои земли объективно противоречила порядкам удельной Руси, а тем более централизующегося Русского государства. В последнем случае, когда в государстве остается один суверен и формируется *национальное* сознание, которое трактует переход к другому (заграничному) суверену как государственную измену, сохранение системы земельных держаний, сопряженных со свободой отъезда собственников, становится абсолютным анахронизмом. Есть мнение, что введение Иваном Грозным опричнины является способом устранения этих форм боярского своеволия.

Вместе с тем княжеская власть нуждалась в замене института слуг вольных другим, более надежным институтом службы, когда служащий государю был бы и юридически, и экономически привязан к своему суверену. Достижение этого результата обеспечивалось посредством проведения ряда мер, направленных на слияние отношений собственности на землю и отношений по государевой службе.

Во-первых, проводятся меры, направленные на прикрепление служилого человека государству, причем не только самого его, но и его потомков. Внешним выражением этого процесса явились исчезновение из оборота термина «слуга вольный» и, в замену ему, употребление термина «государев холоп».

Во-вторых, принимается ряд решений, направленных на ограничение оборота вотчинных земель. По своему правовому статусу вотчины начинают сближаться

с получавшим все более широкое распространение *поместным землевладением* (окончательное их слияние произойдет в петровскую эпоху).

Само по себе *поместье* как форма земельного владения на Руси, видимо, существовало с давних пор. В исторической литературе предметом широкого обсуждения является содержание духовного завещания Ивана Даниловича (Калиты)³¹, княжившего с 1325 по 1340 г., в котором упоминается только об одном помещике, некоем Бориске Воркове, которому он дал село в Ростове: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будет за ним, не иметь ли служить детям моим, село отоимут». Как видим, село было дадено Бориске под условием службы князю Ивану и детям его, в случае прекращения же службы село у него будет отобрано. Не нужно думать, будто этот Бориска был первым и единственным помещиком в начале XIV в., факт пожалования села слуге в чужом княжестве свидетельствует не об исключительности, а, напротив, о распространенности практики условного пожалования земель, — констатирует Н. П. Павлов-Сильванский (Павлов-Сильванский 1988, 453).

Итак, наделение землей как форма (и условие) вознаграждения за государеву (прежде всего военную) службу являлось главной функцией поместного землевладения. Условный характер поместного землевладения выражается прежде всего в том, что оно не было *наследуемым*. Это правило начало выработываться еще в удельную эпоху. При Иване IV указанный принцип упрочивается и начинает приобретать всеобщий характер, а к середине XVII в., когда этот тип землевладения стал господствующим в условиях централизованного государства, принцип условности стал бесспорным.

Конечно, сказанное отнюдь не означает, что после смерти помещика или прекращения им службы по иным причинам его наследники однозначно лишаются права владения поместьем умершего, напротив — как правило, место умершего занимает его сын. Вместе с тем важно то, что судьба поместья решается в каждом конкретном случае государством или, по соответствующим челобитным, под государственным контролем.

С течением времени факт слияния служебных и поземельных отношений можно было бы определить, следуя В. О. Ключевскому, как правовой императив «кто служит, тот имеет землю». Но этот же императив может быть сформулирован и от противного: «владеет землей тот, кто служит». Прекращение исполнения обязанностей службы требовало нормативного регулирования вопроса о том, каковы должны быть организационно-правовые последствия этого обстоятельства для земельных отношений, и такое регулирование было осуществлено.

В основу решения вопроса было положено определение *причины* прекращения исполнения обязанностей службы. Понятно, что эти причины, в общем, делились на две группы: признаваемые уважительными и неуважительными. Не касаясь обширного перечня неуважительных причин прекращения службы, обратимся, в рамках предмета данной статьи, к уважительным причинам.

1. *Прекращение службы вследствие нетрудоспособности*. Безусловно уважительными признавались *болезнь, старость и увечье*, вследствие чего дворяне и дети боярские «от государевы от полковые службы отставлены, а велено им служить

³¹ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1, № 22.

городовая осадная служба, а иным за увечье никакие государевы службы служить не мощно»³².

Насколько можно судить, во времена Грозного по этому вопросу какой-то единой практики не было выработано. Приведем в качестве примера случай и принятое по нему решение, которые кажутся весьма характерными. Грамота от 15 февраля 1556 г. (XXXIII) описывает содержание челобитной Кушника Петрова сына Курцова, который 40 лет служил государям московским, в битве во время Казанского похода отца Ивана Грозного (т. е. в 1505–1507 гг.) «его казанские люди иссекли и замертва покинули, и лежал деи он весь иссечен в трупу день да ночь, и взяли деи его из трупу воеводы Иван Васильевич Хабаров с товарищи». Ныне он в Новгороде в решеточном приказе. От отца царя, Василия Ивановича, и от царя Ивана Васильевича имел он поместье в тридцать две обжи, но это поместье собираются отписать царю, оставив ему, как служащему решеточного приказа, пять обож. Проситель просит оставить ему *все* поместье, и в этой просьбе его поддерживает Макарий, митрополит всея Руси. Царь принимает решение в его пользу: в старое поместье Кушника чтобы «не вступалися до нашего указа».

Содержание данного указа дает основание для некоторых выводов. Во-первых, можно сделать предположение о существовании какого-то общего правила, согласно которому больной, увечный или по старости не годный к службе человек либо переводился в городскую службу (осадную или, как в данном случае, в решеточный приказ), т. е. фактически пожарным сторожем, либо вовсе отставлялся от службы. В этом случае его поместье отписывалось на государя, а сам он получал в качестве пенсии, меньшее поместье (пять обож, как здесь). Однако по персональному решению царя и, видимо, в порядке исключения, ввиду особых заслуг челобитчика, за ним сохраняется на какой-то срок («до нашего указа») поместье целиком.

Столетие спустя Уложение³³ дает нормативное, т. е. общее решение этого вопроса. В силу ст. 61 гл. XVI старым и увечным дворянам и детям боярским (при отсутствии у них детей) полагалось выделенными им поместьями владеть пожизненно, а на государеву службу с этих поместий брались даточные люди или деньги в размерах, указанных государем.

Вместе с тем возможны были случаи, когда у увечного, старого или больного государева слуги имелись дети, точнее говоря, один или несколько сыновей, годных к службе или уже служивших. Одним из вариантов решения проблемы являлись отписание поместья отца на государя и дача поместья служащему сыну, с возложением на него обязанности содержать «до живота» или до пострижения в монастырь немощного отца, чаще — мать, а иногда их вместе. Однако это решение не было единственным.

³² Заметим, что социально-обеспечительный правовой механизм тех времен различал, условно говоря, нетрудоспособность постоянную и временную. Так, царская грамота от 29 февраля 1556 г. констатирует, что «осматриван, на Москве, ноугородской помещик Шелонские пятины Микифор Левонтьев сын Харламов: и Микифор болен, с Казанских ран нога испорчена». В связи с этим царь дает указание новгородскому начальству пометить в Шелонском списке, «доколе ся Микифор обможет, и до тех мест Микифора на нашу службу высильщиком не велели высылати; а как обможетца, и вы бы его тогда на нашу службу велели высылати» (Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 47. II). Постоянный или временный характер нетрудоспособности учитывался и впоследствии, о чем можно судить по содержанию более поздних правовых документов.

³³ ПСЗ. Т. I, № 1.

В начале 1550-х годов Иван Грозный утверждает несколько грамот, специально регулирующих последствия отставки от службы³⁴. Например, после отставки князей Владимира и Василия Белосельских царь указал Курбатку, сыну князя Владимира и внуку Василия Семейке служить «в их место» (I). Другая грамота (IV), констатирующая то же решение, порождена недоразумением: бил царю челом из Вотцкой пятины некий Суханец Григорьев, сын Шматова о том, что «он от нашия службы отставлен за старостью и за болезью, и грамота ему отставленная от нашия службы дана, а в его место велено служити сыну его Постнику»; между тем местное начальство, новгородские дьяки послали его служить не ратную службу в другое место «в Тесово, на заказ, на береженье, чтобы немцы с салом и воском не ездили» (т. е. в таможную). Суханец Шматов и эту службу по состоянию здоровья служить не может. Царь, с некоторым раздражением предписал дьякам: «...и вы б на тот заказ послали кого будет иного пригоже, а его бы есте с того заказу свели и впредь ему быти не велели, чтоб нам он нам о том вперед не бил челом».

Была возможна также ситуация, когда отставленный по болезни или по старости служилый человек имел несовершеннолетних сыновей. Так, из царской грамоты от 10 марта 1556 г. (III) следует, что в свое время «отставили есмя от своей службы Гостя Васильева сына Харламова, потому что он стар и болен, в его место велели есмя служити сыну его Булгаку». Но сыну этому — 11 лет. Поэтому царь указывает новгородским дьякам: «...а дали есмя сыну его Булгаку сроку на чetyре годы, от лета 7064 до лета 7068³⁵ — и вы б в Обонежской пятине погладили, а в его место велели есмя сына его Булгака; а как поспеет, и он бы с того сроку нашу службу служил».

2. *Правовые последствия смерти помещика: обеспечение вдов и детей.* Другой уважительной причиной прекращения службы являлась, разумеется, *смерть* служилого человека. Понятно, что, в принципе, факт смерти помещика делал поместье, по тогдашнему выражению, «пустым», и, стало быть, оно должно было отписываться на государя. Однако в реальности, по общему правилу, у умершего оставались родственники, прежде всего жена и дети. Этот момент учитывался при регулировании земельных отношений. Обратимся прежде всего снова к грамотам Грозного 1555–1556 гг.³⁶ Кстати, можно предположить, что такой всплеск интереса публичной власти к проблематике социального обеспечения именно в это время был обусловлен увеличением числа челобитных по данному вопросу, а этот факт, в свою очередь, явился следствием хотя и победоносного, но отнюдь не бескровного Казанского похода (хотя служилые люди принимали смерть и от «немецких людей»).

Вдове и дочерям выделялось поместье *на прожиток*. По нашим наблюдениям, во времена Грозного размер такого поместья никак не зависел ни от причины смерти мужа и отца, ни от размеров его поместья. В Новгороде величина поместья на

³⁴ Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 47. I–IV. Поясним, что в указанном собрании правовых актов под определенным номером (здесь № 47) публикуется целая *серия* актов, объединенных общим предметом; каждый акт в этой серии обозначается римскими цифрами: здесь — 4 акта (I–IV); под № 52 (см. ниже) публикуется 39 актов (I–XXXIX). В целях экономии объема в тексте и в сносках при цитировании соответствующего правового акта мы указываем только латинский индекс, под которым он опубликован.

³⁵ С 1556 до 1560 г., т. е. до достижения Булгаком возраста пятнадцати лет.

³⁶ Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 52. I–XXXIX.

прожиток вдове — пять³⁷, шесть³⁸ или семь³⁹ обеж, очень редко — больше⁴⁰; дочери, по указанным грамотам, получали по три, четыре или пять обеж, либо шесть, но на двоих.

По общему правилу (и по обычной формулировке) поместья на прожиток вдовам и дочерям давались на время, «до тех мест, как пойдет замуж, или пострижетца, или ее не станет» (вдове) и «до тех мест, как ее замуж выдадут или пострижетца или ее не станет, а выдать ее замуж пятнадцати лет, а болши пятнадцати лет за девками поместья не держати» (дочери). Поместья на прожиток выделялось вдове и дочерям из бывшего поместья мужа и отца, чаще всего «с ряду с одного, а не в розни» (т. е. компактно, впрочем, это обычное требование к выделению всех поместий); остальная часть его отписывалась на государя и шла в дальнейшем «в роздачу».

Как правило, поместье вдове и дочерям выделялось общим счетом (хотя в нем и указывались доли вдовы и дочерей): вдове из поместья мужа на прожиток *семь* обеж, «докуды замуж пойдет, или пострижетца, или ее не станет, а дочери его Марьице пять обеж на прожиток, до замужья, а выдати ее замуж пятнадцати лет, а далее пятнадцати лет за нею тем обежам не быти, а всего Нечаеве жене с дочерью велели б естя отделити двенадцать обеж, в Нечаеве усадище или в деревнях, где им любо, с ряду с одного, а не в розни; а досталь Нечаева поместья велели бы естя отписати, и ведати и доход сбирати на меня царя и великого князя, и в роздачу роздали». Другая грамота, от 5 декабря 1555 г. (XXIII): дед челобитчика имел поместье 24 обжи, умер, оставив вдову. Отец челобитчика с того поместья служил и бабку кормил, однако тоже умер. Поместье было записано за бабкой, и после ее смерти дьяки новгородские это поместье решили отписать на государя, почему жалобщику службу государеву служить не с чего. Государь предписал поместье записать за жалобщиком.

Иногда поместье на прожиток давалось на определенный срок, но это было, видимо, исключением из правил. Из царской грамоты от 12 октября 1555 г. следует, что вдове было выделено поместье в шесть обеж, однако челобитчики (племянники умершего мужа) утверждают, что эти шесть обеж были даны вдове на *срок* (на *три* года), и в связи с тем, что срок прошел, местные власти гонят вдову с этих шести обеж вон. Царское решение: произвести расследование и, если будет установлено, что дело обстоит именно так, как говорят племянники, выделить вдове *три* обжи из тех шести.

Иное решение — если оставалась вдова с малолетними *сыновьями*, что понятно, потому что сыновья — потенциальные новики и, следовательно, в дальнейшем слуги государевы.

Читаем царскую грамоту от 3 октября 1555 г. (X). Решение было вынесено по челобитной человека Тихомирова, сына Пушкина. После этого Тихомира Пушкина,

³⁷ См.: царские грамоты от 30 сентября 1555 г. (VII), от 13 ноября 1555 г. (XV); от 26 февраля 1556 г. (XXXV).

³⁸ См.: царские грамоты от 12 октября 1555 г. (XII); от 18 ноября 1555 г. (XVII).

³⁹ См.: царская грамота от 6 декабря 1555 г. (XXIV); от 12 января 1556 г. (XXVI).

⁴⁰ Так, например, вдове князя Богдана Корецкого было выделено в поместье на прожиток 15 обеж (царская грамота от 2 октября 1555 г., IX), и это единственный случай. О причинах, обусловивших выделение такого (относительно) большого поместья на прожиток, в грамоте ничего не сказано.

убитого на государственной службе «в Казанском взятии», осталась вдова Федора и сын Тимошка пяти лет. Дед Тимошки, Юрий Пушкин, владел поместьем, величина которого с придачами составила 49 беж. Однако дяди Тимошки, т. е. братья погибшего в Казанском походе Тихомира, Степанец да Ондреец (которых в свое время *принесли* к поместью, дав 10 беж и доведя тем самым его площадь до 49 беж), *выбили* Тимошку с матерью из поместья вон. По челобитной этого человека, Неклюдко, было дано указание новгородским властям чтобы «обыском обыскали, и управу им учинили безволокитно»; и при установлении справедливости жалобы велено было пожаловать Тимошку поместьем, с тем чтобы он «с того поместья мать свою Федору кормит до ее живота, а как в нашу службу поспеет (т. е. достигнет пятнадцати лет. — М. Ф., Е. Х.), и он с того поместья служит».

Другая царская грамота от 23 ноября 1555 г., по челобитной Гриши да Васюка Кудашевых, детей Крекшиных. Кудаш был убит на государственной службе немецкими людьми, а старшего брата челобитчиков Ивашка ранили. После отца остались вдова (им мачеха) да две дочери, да двое младших сына, Семейка да Меншик, и долгу девяносто рублей. Сами челобитчики на государственной службе десять лет. По челобитной государь указал: Гришу и Васюка «от братьи в отвод отделить в поместье двадцать беж, из порожних поместий, где будет пригоже, с ряду с одного, а не в розни, по десяти беж человеку, до поместного верстанья»; отцовское же поместье «в отдельные книги написать за меншою их братьею за Семейкой да за Меншиком, и нашу службу велели им служить, часа того, с братьею вместе; да с того же поместья велели им кормити мачеху их до ее живота, да сестры вскормив замуж выдати, и долг отца своего платити...».

В принципе, не исключалась возможность того, что вдова не получала поместья на прожиток, и обязанность ее содержания возлагалась на новых владельцев старого поместья, обычно родственников. Из царской грамоты от 14 января 1556 г. (XXVIII) узнаем: после смерти помещика осталась вдова, которую ее дети и внук с поместья должны были «кормити до ее живота», однако они этой своей обязанности не выполняли и «из двора ее выбили вон». Царь установил, чтобы бабке из поместья ее мужа выделили на прожиток «пять беж, где будет пригоже, с ряду с одного, а не в розни, до тех мест, как пострижетца или ее не станет».

Приведем, наконец, историю, которая могла бы стать сюжетом для современной мелодрамы. Из царской грамоты, изданной в феврале 1556 г. (XXXVI), узнаем: князя Ивана Оболенского убили «казанские люди, в Казанское взятие», после него осталась вдова и три дочери, четырех, трех лет и года. Отделили им на прожиток *пятнадцать* беж (вдове шесть, а девкам по три обжи). Вдова вскоре вышла замуж, младшая дочь умерла, и «посяместа» поместьем владеет брат вдовы, а им (девкам) дядя, Володя Печатников. Челобитчик просит оставшимся сестрам выделить поместье в прожиток, а им жить у него, их деда, князя Ивана Горенского. По решению царя сиротам выделили *шесть* беж, а жить им было велено у деда.

Прежде чем перейти к Соборному уложению 1649 г., сделаем некоторые уточнения. При сопоставлении с московскими дачами (правда, столетием позднее) нельзя не заметить, что площади новгородских поместий на прожиток весьма невелики. Но нужно иметь в виду, что и площади «старых» поместий также существенно меньше, чем московских. Следует напомнить, что речь при том идет о *пашенной* земле, которой в Новгородских землях изначально было весьма немного.

Несомненным достоинством Уложения можно признать, во-первых, то, что все рассмотренные выше вопросы здесь урегулированы не отдельными решениями высшей власти по конкретным челобитным, а *нормативно*, т. е. имеют единый и общий для всех характер, во-вторых, размеры поместий на прожиток определяются конкретными обстоятельствами: причиной смерти владельца поместья и размерами этого поместья.

В силу ст. 30 гл. XVI Уложения: «А будет которого дворянина, или сына боярского, или иноземца на государеве службе в полках убьют воинские люди: а женам их из поместий их давати на прожиток с окладов их со ста по двадцати четвертей, а дочерям их со ста по десяти четвертей».

Статья 31 устанавливает: «А будет которой дворянин, или сын боярской или иноземец на государеве же службе в полках умрет: и женам их из поместий их давати на прожиток с окладов их со ста по пятнадцати четвертей, а дочерям их со ста по семи четвертей с осминою».

Наконец, согласно ст. 32: «А которого дворянина, или сына боярского, или иноземца не станет дома, а не на государеве службе, и женам их давать из поместий их на прожиток с окладов их со ста по десяти четвертей, а дочерям по пяти четвертей»⁴¹.

Уложение предусматривало даже случай, когда поместья умерших были даны их неверстаным детям, которые так и умрут неверстаными, оставив после себя жен и дочерей. Этим последним также полагались поместья на прожиток, величина которых зависела от причины смерти свекра (и деда): если он был побит или умер на государевой службе, то невесткам и внучкам давались поместья на прожиток «против окладу новичной большой и средней статьи», в случае же его смерти «по домом» — «тем давать против окладу средней и меньшей статьи» (ст. 33).

3. Выводы

Итак, о социальном обеспечении как системе целенаправленных мер, осуществляемых формально определенными субъектами в адрес также формально определенных субъектов и в предусмотренных законом формах и размерах, — о такой системе применительно к средневековой Руси и России раннего Нового времени, как, впрочем, и применительно к другим европейским странам в указанный период, говорить не приходится. Тем не менее очевидны некоторые моменты в исторической эволюции страны, которые позволяют обнаружить некоторые черты социально-обеспечительного характера.

⁴¹ Таким образом, если считать, что одной новгородской обже соответствовало примерно три московских чети, получается, что размеры поместий на прожиток в России середины XVII в. примерно соответствовали новгородским. Например, площадь самого значительного предусмотренного Уложением такого поместья, в силу ст. 30 гл. XVI, составляла примерно 6,7 новгородских обож (вдове) и 3 обжи (дочери). Однако при этом следует обратить внимание, что площадь в 10 или 20 чей и т. д. устанавливалась в расчете со 100, стало быть, в конечном счете вдовы и дочери служилых людей высших чинов получали поместья большей, а низших чинов — такой же или даже меньшей площади, чем во времена Грозного. Подчеркнем, что здесь речь идет о поместьях в Московском уезде (ст. 1 гл. XVI Уложения). В других местах площадь поместий могла достигать 500 и более четвертей.

Прежде всего о формировании таких черт можно говорить применительно к институту *благотворительности*. Изначально это был частноправовой институт, несмотря на то что акции благотворительности широко осуществлялись не только простым народом, но и представителями власти — раздача милостыни, открытие и содержание приютов оставалось частным делом князей и царей, их *богоугодным* делом.

Поскольку «*нищелюбие*» и благотворительность в рассматриваемую эпоху имели сакральный характер, активным деятелем в этой сфере была *христианская церковь*. Такое исключительное положение церкви здесь объяснялось тем, что она, во-первых, *идеологически* обосновывала и санкционировала благотворительную деятельность своих прихожан, а во-вторых, сама, имея для этого материальные возможности, являлась центром благотворительности.

К середине второго тысячелетия отношение общества как к идее «святой нищеты», так и благотворительности, трактуемой в качестве средства спасения души дающего, стало меняться. Выражением таких изменений явилось прежде всего формирование отрицательного общественного мнения относительно монастырей и церковных иерархов, владеющих большими богатствами. В Англии последствием этого явилось ликвидация монастырского землевладения и даже смена религии (XV–XVI вв.). На Руси борьба мнений по этому поводу выразилась в дискуссии «стяжателей» и «нестяжателей» (конец XV — начало XVI в.).

Напомним, что идеи *нестяжателей* сводились к тому, что церковь и ее деятели во имя Царствия Небесного должны отказаться от земных пристрастий, и прежде всего от пристрастия ко всему имущественному, полностью посвятив себя служению Богу. Возражения *стяжателей* (иосифлян) сводились, в общем, к тому, что церковь и, в частности, монастыри должны быть активными проводниками Слова Господня на земле, в том числе осуществлять богоугодную поддержку нищих и нуждающихся, а для всего этого нужны соответствующие ресурсы, не говоря уже о необходимости поддержания своего собственного существования.

Как известно, победила позиция Иосифа Волоцкого, и великие князья московские, в общем сочувствуя идеям нестяжателей, практически поддержали сторонников Иосифа. Тому видятся две причины. Во-первых, могущественная идеологически и притом свободная от имущественных пристрастий церковь могла бы в будущем стать критиком или даже оппонентом светской власти, что вряд ли было приемлемо для последней. Во-вторых, церковь, обладая не только идеологическим влиянием, но и вполне материальными ресурсами, могла оказаться важным фактором в установлении суверенности (в русском варианте — самодержавия) великокняжеской власти.

Поэтому, в отличие от Англии, русская православная церковь сохранила свои материальные богатства, однако публичная власть получила возможность достижения чисто мирских целей, в том числе целей вспомоществования нуждающихся, через посредство церкви, которая в этом отношении сделалась агентом социальной политики государства. Тем самым церковная благотворительность приобрела очевидные социально-обеспечительные черты.

Окончательно церковь была поставлена на службу государству в петровскую эпоху.

Формирование системы социального обеспечения в собственном смысле следует связывать с формированием механизма *государственной службы*, сопровождаемым соответствующими изменениями отношений по земле.

Если еще со времен Киевской Руси и в период уделов, и в период начальной национальной государственности основным элементом войска князя, как удельного, так и великого, были *слуги вольные*, то в последующем этот институт уходит в прошлое как явный анахронизм, заменяясь институтом *служилых людей*, пожизненно и на протяжении поколений (т. е. *вечно*) верных великому князю, благодаря чему эти люди получили наименование *государевых холопов*. Слуги вольные, служившие своему князю по договору и имеющие возможность в любой момент этот договор прекратить, основой своей независимости, как правило, имели *отчину* (вотчину), которой владели на основе права собственности и передавали по наследству. В отличие от них государевы служилые люди получали за службу для кормления *поместье* — в качестве вознаграждения за службу, владение которым имело условный характер, т. е. было связано со службой, прекращалось вместе со службой и не наследовалось.

Однако такой статус поместья поставил вопрос об основаниях прекращения владения им: одно дело, если владелец оказался «нетчиком», неисправным хозяином или, более того, изменником, и совершенно другое, если он убит на войне или прекратил службу вследствие увечья либо старости. Вторая группа обстоятельств явилась основанием для появления целой группы норм, определяющих правила вспомоществования бывших государевых слуг или членов их семей. Как представляется, в таком случае у нас есть все основания говорить о возникновении и развитии в течение XV–XVII столетий системы социального обеспечения.

Библиография

- Брентано, Луйо. 1930. *История развития народного хозяйства Англии. Т. 3. Эпоха освобождения и новая организация хозяйственной жизни. Первый полутом. Подъем буржуазии и рабочего класса*. Пер. с нем. Ст. Вольского; под ред. В. А. Базарова; с предисл. Е. А. Косминского. Москва, Ленинград: Госиздат.
- Булгаков, Сергей Н. 1997. «Первохристианство и новейший социализм (Религиозно-историческая параллель).» *Два града. Исследование о природе общественных идеалов*. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христ. гуманит. ин-та.
- Георгиевский, Павел И. 1894. *Призрение бедных и благотворительность*. Санкт-Петербург: Тип. Мор. мин-ва.
- Горовцев, Александр М. 1901. *Трудовая помощь как средство призрения бедных*. Санкт-Петербург: Кн. скл. тип. М. М. Стасюлевича.
- Дерюжинский, Владимир Ф. 1893. *Заметки об общественном призрении*. Москва: Тип. «Рус. вед.».
- Каутский, Карл. 2013. *История социализма: Предтечи новейшего социализма*. Москва: Акад. проект.
- Ключевский, Василий О. 1991. «Добрые люди Древней Руси.» *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. Москва: Правда.
- Курс российского трудового права*. 2001. Т. 2. Под ред. С. П. Маврина, А. С. Пашкова, Е. Б. Хохлова. Москва: Юристъ.
- Мальтус, Томас Р. 1895. *Опыт закона о народонаселении*. Пер. И. А. Вернера. Москва: Типо-лит. О. И. Лашкевич и К°.
- Павлов, Алексей С. 1871. *Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. Попытки к обращению в государственную собственность поземельных владений Русской церкви в XVI веке (1503–1580)*. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце.

- Павлов-Сильванский, Николай П. 1988. *Феодализм в Древней Руси*. Москва: Наука.
- Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алепским*. 1896. Пер. Г. А. Муркоса. (Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. II. С. 1–156; 1897. Кн. 4. III. С. 1–202; 1898. Кн. 4. II. С. 1–195; 1900. Кн. 2. III. С. 1–246).
- Рихтер, Вильгельм М. 1820. *История медицины в России*. Ч. II. Пер. П. П. Озерова, Н. А. Бекетова. Москва: Унив. тип.
- Рожков, Николай А. 1899. *Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке*. Москва: Унив. тип.
- Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев*. 1986. Ленинград: Лениздат.
- Сергеевич, Василий И. 2007. *Древности русского права: в 3 т. Т. I: Территория и население*. Москва: Гос. публ. ист. б-ка России.
- Соколовский, Михаил К. 1901. «Благотворительность в Древней Руси.» *Трудовая помощь* 1: 53–76.
- Соловьев, Сергей М. 1988. *Сочинения: В 18 кн. Кн. 4: История России с древнейших времен*. Москва: Мысль.
- Скрынников, Руслан Г. 1991. *Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви*. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние).
- Стог, Алексей Д. 1818–1831. *Об общественном призрении в России: в 4 ч.*. Санкт-Петербург: Изд. при Мин-ве полиции.
- Хохлов, Евгений Б. 2013. *История труда и трудовое право. Т. I. История труда в контексте хозяйственных, политических и ментальных систем*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Швитгау, Георгий Г. 1915. *Трудовая помощь в России. Ч. I. Трудовая помощь в истории призрения бедных в России*. Петроград: Тип. А. Э. Коллинс.
- Эйкен, Гейнрих 1907. *История и система средневекового мирозерцания*. Санкт-Петербург: Тип. М. И. Акинфиева.

Статья поступила в редакцию 10 июля 2024 г.;
рекомендована к печати 24 июля 2024 г.

Контактная информация:

Филиппова Марина Валентиновна — канд. юрид. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0003-1005-0071>,
m.v.filippova@spbu.ru
Хохлов Евгений Борисович — д-р юрид. наук, проф.; <https://orcid.org/0000-0002-6587-8362>,
e.hohlov@spbu.ru

On social security in Moscow Russia (15th–17th centuries)

M. V. Filippova, E. B. Hohlov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Filippova, Marina V., and Evgeniy B. Hohlov. 2025. “On social security in Moscow Russia (15th–17th centuries).” *Russian Journal of Labour & Law* 15: 287–318.
<https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.121> (In Russian)

The period of the middle of the second millennium of the Christian era is the time of the formation of national states in Europe, i. e. states with a single territory, population and sovereignty — that is, the independence of the supreme state power from neither external nor internal political forces. Russia is no exception in this regard. The process of forming a sovereign (i. e. autocratic) state had many manifestations and the same set of consequences in the internal life of the country. Among them is the evolution of the idea of charity. Initially, as a purely private phenomenon, moreover, in the medieval era, which had an exclusively religious color-

ing and justification, with the establishment of state power, charity relations acquire a public character, become a secular matter and a subject of concern on the part of public authorities. In Russia, despite the fact that the church retains the function of caring for the poor, this function is in many ways becoming a form of indirect manifestation of the state's social policy. Because of this, it can be said that charity, being legally formalized, acquires socially secure features. At the same time, the process of forming the institution of public service is taking place, which, in the conditions of an agrarian type of economy, is accompanied by changes in the system of land relations: the institution of local land ownership arises and strengthens when land (estate) is given under the condition of service. However, the functioning of this institution raises the problem of providing for those sovereign servants who left the service due to injury or old age, as well as family members of the owner of the estate due to his death. As a result, there is a whole array of norms aimed at solving this problem, which allows us to talk about the emergence of the right of social security in its purest form.

Keywords: charity, social security, greed and non-greed, begging, alms, land allotment.

References

- Brentano, Lujo. 1930. *The history of the development of the national economy of England. Vol. 3. The era of liberation and the new organization of economic life. The first half volume. The Rise of the bourgeoisie and the working class.* Transl. from German by St. Volsky; ed. by V. A. Bazarov; with a preface by E. A. Kosminsky. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ. (In Russian)
- Bulgakov, Sergej N. 1997. "Early Christianity and modern Socialism (Religious and historical parallel)." *Dva grada. Issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov.* St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ. (In Russian)
- Ckrynnikov, Ruslan G. 1991. "*The State and the Church in Russia of the 14th-16th centuries: The Ascetics of the Russian Church.*" Novosibirsk: Nauka (Sibirskoe otdelenie) Publ. (In Russian)
- Deryuzhinskij, Vladimir F. 1893. *Notes on public support.* Moscow: Tipografia "Rus. Ved." Publ. (In Russian)
- Ejken, Gejnrih 1907. *The history and system of the medieval worldview.* St. Petersburg: Tipografia M. I. Akinfieva Publ. (In Russian)
- Georgievskij, Pavel I. 1894. *Charity of the poor and charity.* St. Petersburg: Tipografia Morskogo ministerstva Publ. (In Russian)
- Gorovcev, Aleksandr M. 1901. *Labor aid as a means of charity for the poor.* St. Petersburg: Knizhnyi sklad tipografii M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Hohlov, Evgenij B. 2013. *The history of labor and labor law. T. I. The history of labor in the context of economic, political and mental systems.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Kautskij, Karl. 2013. "*The History of Socialism: The Forerunners of Modern Socialism.*" Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Klyuchevskij, Vasilij O. 1991. "Good people of Ancient Russia." *Istoricheskie portrety. Deiateli istoricheskoi mysli.* Moscow: Pravda Publ. (In Russian)
- Mal'tus, Tomas R. 1895. *The experience of the Population Law.* Transl. by I. A. Werner. Moscow: Tipo-litografia O. I. Lashkevich i K^o Publ. (In Russian)
- Pavlov, Aleksej S. 1871. *A historical sketch of the secularization of Church lands in Russia. Part I. Attempts to convert the land holdings of the Russian Church into state ownership in the 16th century (1503-1580).* Odessa: Tipografia Ul'riha i Shul'tse Publ. (In Russian)
- Pavlov-Sil'vanskij, Nikolaj P. 1988. *Feudalism in Ancient Russia.* Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Richter, Wilhelm M. 1820. *The history of medicine in Russia. Part II.* Transl. by P. P. Ozerov, N. A. Beketova. Moscow: Universitetskaia tipografia Publ. (In Russian)
- Rozhkov, Nikolaj A. 1899. *Agriculture of Moscow Russia in the 15th century.* Moscow: Universitetskaia Tipografia Publ. (In Russian)
- Russia of the 15th-17th centuries through the eyes of foreigners.* 1986. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian)
- Sergeevich, Vasilij I. 2007. *Antiquities of Russian law: in 3 vols. Vol. 1: Territory and population.* Moscow: Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaja biblioteka Rossii Publ. (In Russian)

- Shvittau, Georgij G. 1915. *Labor assistance in Russia. Part 1. Labor assistance in the history of charity for the poor in Russia*. Petrograd: Tipografia A. E. Kollins Publ. (In Russian)
- Sokolovskij, Mihail K. 1901. "Charity in Ancient Russia." *Trudovaia pomoshch'* 1: 53–76. (In Russian)
- Solov'ev, Sergej M. 1988. *Essays: In 18 books. Book 4. The history of Russia since ancient times*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
- Stog, Aleksej D. 1818–1831. *On public charity in Russia (at 4 o'clock)*. St. Petersburg: Izdano pri Ministerstve politicii Publ. (In Russian)
- The course of Russian labor law*. 2001. Vol. 2. Eds S. P. Mavrin, A. S. Pashkov, E. B. Hohlov. Moscow: Iurist Publ. (In Russian)
- The journey of Patriarch Macarius of Antioch to Russia in the half of the 17th century, described by his son Archdeacon Paul of Aleppo*. 1896. Transl. by G. A. Murkos. (Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Book 4. II. P.I–IX+1–156; 1897. Book 4. III. P.I–VIII+1–202; 1898. Book 4. II. P.I–X+1–195; 1900. Book 2. III. P.I–V+1–246). (In Russian)

Received: July 10, 2024

Accepted: July 24, 2024

Authors' information:

Marina V. Filippova — PhD in Law, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-1005-0071>,
m.v.filippova@spbu.ru

Evgeniy B. Hohlov — Dr. Sci. in Law, Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6587-8362>,
e.hohlov@spbu.ru